

Тайна мастерской Эль Инка

Журнал «Музыкальная жизнь»
№5 (703) март 1987 г.

...Есть в Колумбии, на окраине столичного города Богота, уникальная в своем роде мастерская. Под низкими ее сводами раздается то нежный голос флейты, то глухой рокот барабана, но чаще – звуки более прозаические: стук молотка, свист сверла, мерный голос ткацкого станка. Со стен на посетителя смотрят лики древних божеств, причудливые птицы и звери словно ненадолго замерли на коврах и плетеных циновках. Шагните в полумрак мастерской, и из глубины ее, где даже в жаркий день царит прохлада, навстречу вам выйдет хозяин сказочных богатств «Эль инка» — Хайро Парра, умеющий дарить голос дереву, тростнику, шкуре животного или камню.

Не просто музыкальные инструменты, а такие, на которых играли еще предки сегодняшних колумбийцев, рождаются в мастерской «Эль инка». Потому и мастерскую свою Парра назвал именем одного из племен, населявших до конкисты древние Анды. Слушая звучание изготовленных им инструментов, видя тщательность и филигранность их отделки, ожидаешь встретить мастера, убеленного сединами. Но навстречу вам выйдет человек молодой и веселый, подвижный и непосредственный. Лишь иногда темные глаза Хайро словно на секунду устремляются туда — в глубь веков, где на отрогах заснеженных гор и в цветущих долинах закладывались основы культуры, воскресить которую помогают руки и вдохновение Парры.

...То было много веков назад. Вдоль побережья Великого океана с севера на юг простиралось государство инков. Необозримы были его владения. Сами инки называли свои

земли «Тауантинсуйю» — «Страна Четырех сторон света». Сердцем Тауантинсуйю, ее столицей со времен древнейших легенд и преданий был существующий и поныне город Куско, что значит «Центр земли». Откуда пришли инки в эти края — неизвестно до сих пор. Но высокое развитие культуры в инкском государстве не раз порождало мифы об их инопланетном происхождении. Ученые же считают, что империю инков напитали своей культурой древнейшие очаги цивилизации нынешней Латинской Америки – Чикама, Мочика, Паракас, Наска. Но тут уже счет идет не на века, а на тысячелетия.

...Предрассветная тьма еще окутывает каменные стены построек Куско. В сумрачном свете за городские стены, на обширную равнину выходят воины, правители империи, земледельцы, скотоводы, жрецы. Верховный Инка и все его подданные обращают свои взоры туда, где совершается великое чудо – восход солнца – Инти. Золотое солнце появляется, превращая ночь в день, тьму – в свет. И в тот момент, когда из-за горных вершин вспыхивают первые лучи солнца, инки запевают. «И пели они, соблюдая большой порядок и согласие в голосах, и чем выше поднималось солнце, тем громче становилось их пение», – рассказывает древний историк. Целый оркестр аккомпанирует великому Гимну Солнца, здесь звучат антары, ритуальные барабаны, т'арки воинов, кены пастухов...

Так или не так происходили праздники предков нынешних перуанцев и колумбийцев, боливийцев и чилийцев? Описание древних торжеств можно еще отыскать в записях историков-музыковедов, можно воспроизвести мелодию Гимна Солнцу, а вот голоса музыкальных инструментов... Испанские завоеватели – конкистадоры, считавшие индейцев «дикарями», с пренебрежением отринули древнюю культуру, века похоронили саму память о талантливых мастерах, вдохнувших голос в тростниковые, деревянные, каменные флейты. Много

километров исходил по родной стране Хайро Парра, прежде чем обнаружил первые экспонаты своей редкой коллекции индейских инструментов в хижинах, отдаленных селениях. С трепетом собирал он дедовские флейты и барабаны, украшенные полуистлевшими лентами, полустертыми узорами. И тогда Хайро понял — редкостные экземпляры должны стать не музейными экспонатами, а прообразами для создания новых инструментов, которые, «заговорив», воскресят звуковой мир древности. А при чем же здесь политическая песня?

Возродить в сегодняшней Колумбии и в других странах континента интерес к фольклору, содействовать его развитию — в последние годы задачей высокого политического смысла. Недаром за решение ее взялись лучшие люди Латинской Америки. Музыканты-коммунисты собирали народные песни, записывали обряды, зарисовывали костюмы. Имя одного из них хорошо знает планета: это Виктор Хара. Слава многих других также не ограничилась пределами своих государств — Даниэль Вильетти (Уругвай), Али Примера (Венесуэла), братья Годой (Никарагуа) слили свою политическую борьбу с борьбой за новую песню, новую культуру.

Хайро Парра, в то время студент-историк столичного университета в Колумбии, всеми силами своей увлеченности включился в эту битву за возрождение старого во имя грядущего. Вместе с друзьями он создал новый ансамбль. Ребята выступали в учебных аудиториях и рабочих кварталах. Каждый концерт превращался в митинг, в каждой песне заключался протест, протест юных патриотов против засилия американской массовой культуры, против империалистической колонизации через музыку. Поэтому и древние песни зазвучали по-новому, как напоминание о собственных богатейших музыкальных корнях, как призыв к борьбе против зарубежных дельцов.

Вот тогда-то и отправился в индейские селения Хайро Парра. Сначала его интересовало лишь звучание инструментов

— свою задачу он видел в том, чтобы извлечь из тростника, бамбука, дерева кебрачо звуки, сходные с теми, что раздавались когда-то в горах. Но с годами росла требовательность к себе, мастер научился отделять свои инструменты так, как это делали древние инки. Резьба по дереву, тиснение кожи, чеканка, даже ткачество — всеми этими ремеслами постепенно овладевал Хайро Парра, и каждый музыкальный инструмент, изготовленный его руками, превращался в произведение искусства. И за каждым инструментом вставала цепь событий, связанных с происхождением многостольных флейт антара или загадочных моксеньос.

Вот боевая флейта индейцев — т'арка, украшенная замысловатой резьбой. Ее биография восходит к древним временам, когда на земле Андийского нагорья еще не появились инки. Впервые уникальный экземпляр т'арки оказался в Европе с коллекцией Хайро Парры в 1982 году. Он и ныне звучит на концертах московской «Гренады», поражая воображение слушателей голосом, похожим на клекот орлов. Вот Кена — царица Анд — тростниковая флейта, которая обрела поклонников и пропагандистов в Москве и в Берлине, в Париже и Дортмунде, Нью-Йорке и Будапеште. А вот еще один экспонат — арауканский инструмент трутрука, который изготавливается из разновидностей бамбука, произрастающего во внутренних областях юга Чили.

Пожалуй, наиболее распространенные инструменты у индейцев разных племен — барабаны. К примитивным барабанам, звуки из которых извлекаются путем удара по цельнодеревянному цилиндру специальной деревянной колотушкой с каучуковым наконечником, относятся, например, тундули индейцев хибаро, майоакан кубинских таино, магуаре колумбийских и бразильских уитото, трокано парагвайских гуарани. Близок к ним по своей акустической природе и барабан ацтеков — тепонацтли, хотя конструкция его несколько иная, но

так же как у предыдущих видов, отсутствует мембрана. «Кому и когда пришло в голову прикрыть полость барабана щкурой животного? Кто знает! Дерево заговорило!» - пишут в своем исследовании «Докортесианские инструменты» руководитель мексиканской Академии музыки, профессор Даниель Кастаньеда и профессор Национальной консерватории Мексики Винсенте Мендоса, которые проследили происхождение индейских барабанов, начиная от простых отрезков стволов деревьев (ксилофонов) до усовершенствованных мембранных инструментов (например, барабана бомбо).

«Наделить голосом» стебли и раковины, панцири и стволы, камни и растения – это для индейцев был не просто «производственный процесс», но часть их духовной жизни. Иллюстрацией тому может служить рассказ индейцев уитото, живших в верховьях Амазонки. «...В день, когда будет изготовлен магуаре, люди танцуют до середины ночи. Потом несколько мужчин уходят, чтобы найти дерево для барабана. Найдя подходящий ствол, они валят его на землю. Женщины в это время поют одни и готовят пищу, чтобы встретить мужчин. Дерево очищают от ветвей, моют его священной водой – какачуаной, чтобы оно лучше звучало. Потом один из мужчин делает насечки на стволе – одну сверху, другую внизу, а затем соединяет их узким и длинным отверстием. После этого дерево несут в деревню. Все в это время должны уйти в свои дома, и лишь один мужчина будет долбить полость в магуаре. В этот день он не должен видеть женщину – только тогда барабан будет звучать хорошо». Да и поныне, например, тростник для сампоньи (флейта Пана) индейцы считают необходимым срезать только в определенном месте и в определенное время суток (как правило, перед рассветом).

Не менее интересен и чаранго – разновидность маленькой гитары, которую индейцы в Андах делают из панциря броненосца (киркинчо). Хайро Парра хранит немало легенд,

связанных с поэтизацией этого инструмента, и даже ласковое стихотворение, написанное другом и единомышленником Хайро – боливийским музыкантом Эрнесто Кавоуром, с чьим мастерством чарангиста в прошлом году познакомились наши советские телезрители благодаря трансляциям с Берлинского фестиваля «Красные песни».

Заснул как-то раз Киркинчо –
Предгорий проворный житель.
Все спал он, и спал так сладко
В мечтах о своей невесте...
Проснулся, глазам не веря:
Брюшко его было пусто.
А панцирь прикрыл надежно
Звонящие струны чаранго.
Любитель привольной жизни
Не стал печалиться долго –
Он с бомбо, кеной, гитарой!
Звучней же, струны чаранго!

Зарисовка инструментов, изучение способов их изготовления, собирание песен, запись легенд, преданий, связанных с биографией инструментов – чего только не пришлось делать Хайро. В работе ему стала помогать жена Дильма, студентка школы искусств. Спрос на народные инструменты рос день ото дня. Вначале Хайро и Дильма изготавливали инструменты для своего небольшого ансамбля, но прошло несколько лет, и Парра стал признанным мастером, к которому обращаются ведущие исполнители не только Колумбии, но и других стран.

Диковенные произведения искусства, изготовленные к тому же с большим художественным вкусом, привлекли внимание туристов. К мастерской «Эль инка» потянулись

толстосумы, с удовольствием приобретая отголоски древних цивилизаций – экзотичнейший сувенир! Это сулило мастеру безбедное существование – более того – уникальная мастерская могла стать процветающим предприятием... Но обслуживание богатых туристов не входило в планы Хайро Парры. Разве для того он ночи напролет вслушивался в шорох тростника, вымачивал кожи, натягивал мембраны барабанов, выделял панцири броненосцев?..

И Хайро Парра с барабаном через плечо, с сумкой, набитой флейтами, с маленькой гитарой-чаранго за спиной отправляется... в Никарагуа! Туда, где трудно, туда, где опасно. По горным тропам – от селения к селению – шел интербригадист Хайро Парра. Он учил грамоте ребятишек Никарагуа, он работал на сафре солидарности (уборке сахарного тростника) бок о бок со своими единомышленниками из разных стран. Он играл после уроков и после сафры, никарагуанцы и те, кто приехал помогать молодой революции, слушали голос его инструментов и пели вместе с ним – и это было лучшей наградой мастеру. Он оставил свои любимые инструменты в Никарагуа, в подарок музыкантам – защитникам революции, и знал – инструменты в надежных руках. И вновь работа – поиски, открытия во славу истории своего народа. Не раз враги угрожали коммунисту, не раз приходилось ему спасать уникальную коллекцию от сегодняшних варваров – неофашистских молодчиков, которым не по душе ремесло Хайро. Но важнее – признательность простых людей Колумбии, доверие товарищей по борьбе. В 1982 году Коммунистическая партия Колумбии командировала Хайро Парра в Советский Союз для участия в Днях дружбы молодежи СССР и Колумбии. Тогда-то и познакомились мы, ансамбль «Гренада», с удивительным мастером и его коллекцией. Он приехал, как всегда приезжает к друзьям – с инструментами. Немало городов и поселков нашей страны проехали мы вместе, прежде чем

решились предложить: а что если попробовать, чтобы коллекцией не только любовались, но чтобы ее... слушали?

«Не могу забыть, как в русской пампе, под бездонным небом России, зазвучали вдруг мои кены и сампонья, чаранго и бомбо. Подарить инструменты, изготовленные мною, советским людям, столь живо овладевшим музыкой моего народа, я счел для себя честью», — писал нам потом Хайро. А через три года коллекция, подаренная им «Гренаде», вновь пополнилась. Это случилось на XII Всемирном, когда, после выступления советского ансамбля в зале «Дружба», на сцену поднялся посланец Коммунистической партии Колумбии – Хайро Парра. В руках у него был целый букет... флейт – ярких, разноцветных, как цветы Колумбии. А уезжая, Хайро увозил с собой подаренный в ответ букет из русской балалайки, казахской домбры, таджикского рубоба! «Все эти волшебные инструменты звучат теперь в Колумбии, сопровождая рассказ о вашей сказочной стране», — пишет Парра. Прощаясь тогда с Хайро, мы задали вопрос, который, наверное, не раз задавали ему: «Может быть, ты знаешь, в какой именно предрассветный час срезать тростник, чтобы голос инструмента зазвучал так чисто и свежо? Может быть, секреты выбора «звучащего дерева» тебе передали старики-индейцы.

«Да, я владею секретом, что завещали нам предки, — просто ответил Парра. — Инструменты звучат хорошо тогда, когда, изготавливая их, я думаю о самых простых, но самых важных истинах — нужно любить свой народ, уважать его историю, никогда и ни при каких условиях не отдавать на поругание заморским коммерсантам веками формировавшуюся культуру...».

...И вновь до поздней ночи не гаснет огонек в окне мастерской «Эль инка» на окраине столичного города Богота.